

**ВЛИЯНИЕ УНИАТСТВА
НА СТРУКТУРУ ИДЕНТИЧНОСТИ
ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН (ПО МАТЕРИАЛАМ
ПОЛЕМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВЕКА)**

*Неменский О.Б.
(Москва, Россия)*

Брестская церковная уния 1596 г. спровоцировала идейный раскол в восточнославянском обществе Речи Посполитой, выразившийся и в подлинном кризисе старых систем идентичности. Впервые появилось одновременно две конфессионально-церковные группы в обществе, которые отстаивали приоритетное право называть себя «русью», «русским народом». Развернувшаяся тогда «борьба за русскость» [1] была важна не только в общекультурном, но и в конкретно правовом смысле – это борьба за права, утвержденные королевскими привилегиями для руси и Киевской митрополии, борьба за легальный статус в государстве. Принципиальным оказывался вопрос, кого именно законодательство страны понимает под «русским народом», под «людьми греческой веры». Кому принадлежат старые русские права – православным или униатам, кому принадлежит и вся русская история, а кто оказался новой силой, разрушающей бывшее единство.

Раскол этот не был ожидаем ни той, ни другой стороной. В категориях старой культуры не было адекватного терминологического и логического инструментария, чтобы дать приемлемое описание новых реалий. Униаты и православные совпадали друг с другом в их мире имен, но очень по-разному видели те общности, которые за этими именами стояли. И те и другие, как уже было сказано, настаивали на своей принадлежности к «руси», к «русскому», или же «российскому» народу. Одновременно с этим и те и другие считали себя членами Восточной Церкви. Вот эта связь: Русь и Восточная Церковь, как и ее обязательность, – тогда сомнению не была подвергнута ни

той, ни другой стороной. Однако в остальном обозначились расхождения весьма принципиального характера.

Для православной полемической мысли тех лет большой проблемой являлось само то, что основной предмет критики – униатство – не вписывался в традиционную номинационную систему и составить цельное мнение о том, кто же такие униаты, было очень трудно. Вот, например, в сочинении «Защита Верификации» еще православный М.Смотрицкий так говорит об оппоненте-униате: «какой же Редаргатор (так называет он оппонента – *О.Н.*) есть русин, если он Восточной церкви права и обычаи топчет и знать о них не хочет ...?» [2, с. 347]. Здесь находит свое выражение постоянно проявляющаяся черта именно православных сочинений – представление об униатах как стоящих вне руси, более того – как врагов Руси.

Причиной нежелания православных признавать униатов такой же русью, как и сами они, но только другой конфессии, являлась свойственная православным убежденность, что вне Православия – нет и русскости. Униаты понимались как ушедшие из Восточной Церкви в Западную, отпавшую. Очень четко эта мысль сформулирована в соч. «Supplementum Synopsis» (1632), где говорится о «transitus господ униатов с Востока на Запад, от надлежащего им пастыря к ненадлежащему» [3, с. 633]. Большую систему исторических и правовых доказательств принадлежности Руси Константинопольскому патриархату изложил в своем сочинении «Палинодия» Захария Копыстенский. И все же униаты не начинают восприниматься просто как католики и про униатство часто говорится как о «новой вере».

Однако униаты все же осознаются православными не как сторонний народ, а как часть, отпавшая от русского народа, и в этом смысле они как бы от руси. Известный православный полемист того времени Иоанн Вышенский обращается к униату так: «русине бывший» [4, с. 390]. Хотя нельзя не заметить и большое число случаев проявления у православных взгляда на русь как на двусоставную (православ-

ную и униатскую). Например, такие довольно частые эпитеты как «вы новая русь» [2, с. 379] «между нами, древней греческой религии русью, и между вами, русью отступною, то есть апостатами нашими» [5, с. 612], и т.д. Кем считать униатов – на этот счет ясного мнения не было ни у кого. Хотя общим было осознание их как стороны «латынников», «римлян».

В отличие от православных, униатам было свойственно вполне определенное утверждение о двусоставности руси. «Раздвоенный народ наш русский» характеризуется тем, что две части его враждуют, и сочинения посвящаются «обеим сторонам народа русского», [6] или конкретно «всей той стороне народа русского» [7]. Говоря о «печально разорванном народе русском» [7, с. 1], «доме народа нашего русского, ... на две части печально разваленного и в одной части против другой недружественно стоящего» [8, Przedmowa, s. 1] униаты подчеркивают русскость и униатской, и «схизматической руси». К не-униату, схизматику и еретику, Лев Кревза считает возможным обратиться: «К вам, милый брат мой, того же древнего российского народа, хоть со мной умом и различный, речь свою обращаю» [9, с. 289]. Этничность у униатов лишена своего сакрально-духовного значения, однако все же не лишена своих конфессиональных характеристик.

Униатам было свойственно утверждение себя как членов именно Восточной церкви и даже как послушных Константинополю, при том только условии, что патриарх – не схизматик. При этом они довольно четко противопоставляли себя «латынникам»: в их восприятии очень четко прослеживается противопоставление «мы – они». В этом плане униатам свойственно было осознавать себя не «латынниками», а «греками», то есть представителями восточного христианства.

Характерно при этом, что «латинство», так же как и у православных, воспринимается как несовместимое с «русскостью». При этом схизматики, хотя и признаются Русью, но уже не считаются частью Восточной церкви. Вот униат Смотрицкий говорит: «Я от Церк-

ви Восточной не отступил, и поменял не веру на ересь, но ересь на веру» [7, s.27], «заявляю, что я истинный истинной той Церкви Восточной сын, которая от Западной церкви не отделялась, и в ней я епископ и архиепископ» [8, s. 104].

Таким образом, мы можем выстроить своеобразные схемки идентичности двух лагерей, и они окажутся очень различными. Для православных это три блока: во-первых русь, во-вторых Константинопольский патриархат, и в третьих Восточная церковь. При этом русь вся как цельный народ и как вся земля Русская, представленная Русской митрополией, послушна Константинопольскому патриархату и вне него не мыслима, Константинопольский же патриархат – необходимая и «переднейшая» (Копыстенский) часть Восточной церкви, которая после отпадения Западной и есть Церковь Христова в своей полноте. Все связи в такой системе очень прочны и полнообъемны.

У униатов такая схема выглядит иначе. Правовверные русские (уже не целый народ, а каждый по отдельности) представлены Русской митрополией, но только тогда, когда она послушна Риму или находящемуся в единстве с Римом Константинополю. Как таковые они составляют часть Восточной церкви, которая находится в единстве с Римом, но часто от него отпадает. Как мы видим, в этой схеме все связи необязательны, не полны, зато определены только личным усилием каждого человека, желающего не быть в схизме. Русь не вся представлена Русской митрополией, митрополия эта далеко не всегда в Восточной церкви, часто отпадая, а сама Восточная церковь склонна к отпадению еще гораздо больше, чем Русская митрополия.

Впрочем, такие схемы вынужденно грубы. До целостной и внутренне-логичной системы мира имен православных и униатов в первой половине XVII в. было еще далеко – мы имеем дело с эпохой кризиса идентичности и с естественно характерной для такой эпохи путаницей и крайней противоречивостью идентификаций. В связи с этим мы можем выделять только преобладающие характери-

ки униатского и православного мышления в аспекте идентичности. И униатской, и православной идентичности того времени было свойственно сильное осознание нарушенности связей, осознание несоответствия действительности ее желательному состоянию. Это идентичность людей, живущих в эпоху больших перемен, фиксирующих большие изменения в обществе и стремящихся переосмыслить и упорядочить эти изменения, приспособив факты реальности под более цельные системы сознания.

Литература и источники

1. Слово «русский» употребляется здесь как форма прилагательного ко слову «Русь» (в том числе и в этнонимическом смысле) без ассоциаций с его значениями в русском литературном языке советского и постсоветского времени.
2. (Смотрицкий М.) *Obrona Verificaciey (Wilno, 1621)* // Архив Юго-Западной России, часть 1, том 7. Киев, 1887.
3. *Supplementum Synopsis* // Архив Юго-Западной Руси, ч.1, том 7. Киев, 1887.
4. Вишенский, И. Книжица // Вишенский, И. Сочинения / И. Вишнеvский. Москва, 1955.
5. (Смотрицкий М.) *Elenchus pism vszczypliwych. Wilno, 1622. C.612.* // Архив Юго-Западной России, ч.1, том 8, вып.1. Киев, 1914.
6. *Smotrzycki M. Exęthesis abo Expostulatia... Dermań, 1629.*
7. *Smotrzycki M. Paraenisis abo napomnienie... Kraków, 1628.*
8. *Smotrzycki M. Apologia peregrinatiey do Kraiow Wschodnych. Lwów, 1628.*
9. *Kreuza L. Obrona iedności cerkiewney. Wilno, 1617.*

ЦЕРКОВНАЯ УНИЯ 1596 ГОДА КАК ПОЛЬСКО-ИЕЗУИТСКИЙ ПРОЕКТ ЭТНОЦИДА (ЗАПАДНОРУССКОГО) БЕЛОРУССКОГО НАРОДА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

*Криштапович Л.Е.
(Минск, Беларусь)*

Формально церковная уния была союзом или объединением православной церкви на территории Беларуси, Украины и Литвы с католической на условиях подчинения православного духовенства Римскому Папе и признания основных догматов католицизма при сохранении православной обрядности. Объединение православия с католичеством привело к образованию так называемой униатской церкви или, другими словами, греко-католической.

Церковной унии предшествовала идеологическая подготовка со стороны католического духовенства и правительства Речи Посполитой. Еще в 1577 г. иезуит Петр Скарга издал книгу «О единстве церкви Божьей», в которой обосновывал верховенство римского бискупа¹ над всем христианским светом, в том числе и над восточными патриархами. Отсюда Петр Скарга выводил идею объединения русской и католической церковью под главенством Римского Папы. В третьей части своей книги он убеждал, что уния необходима в интересах самих православных христиан, что никакой опасности от унии нет, что спасение только в ней одной. Это издание польского иезуита было посвящено русскому православному князю Константину Константиновичу Острожскому. Скарговские идеи о церковной унии полностью воспроизводили все последующие сторонники униатства.

Князь Константин Константинович Острожский первоначально и сам склонялся к унии, считая ее главным фактором консолидации го-

¹ Бискуп – название католического епископа для славянских народов.